

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

РЕЛИКТ:
ДЕТИ ВЕЧНОСТИ

Реликт

Василий Головачев

Непредвиденные встречи

«ЭКСМО»

1979

Головачев В. В.

Непредвиденные встречи / В. В. Головачев — «Эксмо»,
1979 — (Реликт)

ISBN 5-699-04819-7

«Непредвиденные встречи» – первая книга острожетного фантастического романа-эпопеи «Реликт» в шести книгах, который показывает развернутую панораму жизни человечества в двадцать втором – двадцать четвертом веках. Начинается роман встречей землян с реликтовой формой жизни в космосе, спора которой сохранилась со времени рождения Вселенной, а заканчивается грандиозным противостоянием разумных Вселенных, в котором люди пытаются отстоять свое право на жизнь. Это роман о мужестве и бесстрашии, просчетах и ошибках людей, об их любви и ненависти, безумии и надежде. Это роман, воспевающий жизнь во всех ее проявлениях, о воспитании человека в экстремальных условиях, об отношениях людей с космосом и с теми, кто его населяет. Это роман приключений, полный активного действия и философских размышлений о смысле жизни, отрицающий равнодушие к последствиям любого шага человека.

ISBN 5-699-04819-7

© Головачев В. В., 1979
© Эксмо, 1979

Содержание

Часть первая	5
БРОСОК	5
«МОГИКАНИН»	10
ДЕСАНТ	13
ГОРОД	19
ГРАВИСТРЕЛОК	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Василий ГОЛОВАЧЕВ

РЕЛИКТ. Книга I

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ВСТРЕЧИ

Давайте же наберемся храбрости и, пренебрегая невнятными устрашающими воплями, которые доносятся сквозь мглу с обеих сторон, устремимся вперед по этому рискованному пути.

А. Кларк

Часть первая У ПОРОГА. ГРАНТ

БРОСОК

Мохнатый от звездной пыли рукав Галактики уплыл в сторону, переместился на левую полусферу экрана и угас. В перекрестье ориентаста медленно вползло бесформенное пятно без единого проблеска света.

«Пять дней, – думал Грант, наблюдая за действиями координатора. – Каких-нибудь пять дней, а я уже не помню ее лица. Странно… Помню глаза – потемневшие, невеселые, помню губы, странную рассеянную улыбку, от которой становилось не по себе… Тина боялась разлуки, но не было в мире силы, которая заставила бы ее признаться в этом… Помню черное пламя волос и еще смешное движение руки, подсознательный жест, которым она время от времени будто прогоняла навязчивую мысль. Но все это – почему-то каждое в отдельности – словно детали мозаики. И расплывчатый летящий силуэт… В чем дело? Причуды памяти?»

Едва слышный звон пронесся в воздухе, громада трансгалактического корабля шевельнулась в последний раз и замерла. Координатор выбросил на панель спокойные огни и начал отсчет.

«До ядра неделя пути, не больше, – думал Грант, пытаясь сосредоточиться, но перед глазами все еще плыло пустынное поле стартодрома, по которому ветер гнал зеленые волны, перечеркивали небо тонкие шпили антенн, и на этом фоне постепенно таяла фигурка женщины – удивительно хрупкая и беззащитная. – Потом еще неделя на подготовку аппаратуры, запуск зондов. И два месяца напряженной работы. И тоски по жене… Вот удивились бы ребята – узнай они, что их бравый командир так безнадежно чувствителен…»

Отсчет кончился. Коротко и требовательно прозвучал гудок – координатор предупреждал людей о необходимости их вмешательства. Грант взял управление на себя.

Подготовка исполнительных механизмов корабля к прыжку заняла не более двадцати минут.

– Все, – сказал Грант будничным тоном, снимая с головы дугу. Круглое, простодушное лицо его было спокойно и, как всегда, казалось слегка заспаным.

– Сто семь парсеков¹, – отметил задумчиво Умбаа, кибернетик корабля, встретив взгляд командира. – Сто семь…

– И двести тридцать три до ядра, – тотчас откликнулся Вихров, рассматривая черный провал по курсу корабля. – Всего два перехода, если бы не это пятнышко.

---

¹ Парсек (параллакс-секунда) – единица измерения космических расстояний, равная 3,269 светового года ($3,08 \times 10^{13}$ км).

Грант тоже не отводил взора от темной кляксы, загородившей путь к ядру Галактики, и чем больше он смотрел, тем меньше она ему нравилась.

– Совсем как у Блока, – пробормотал он. – «Ты прислала мне черную розу в бокале золотого, как небо, аи...»

– Туманность Черная Роза! – воскликнул юный энергетик экспедиции Саша Реут. – Звучит превосходно! Командир, вы попали в точку.

– Пожалуй, она больше похожа на мешок, – хмыкнул Умбаа.

– Мешок? – удивился Вихров. – Ну и воображение у вас, мой друг! Право же...

– Успокойся, Виталий, – мягко сказал Грант, – нарекаю этот ме... гм... это облако туманностью Черной Розы. Боюсь только, что эта роза задержит экспедицию. Размеры у нее...

– Два светогода.

– Иначе говоря, два месяца полета в режиме коротких прыжков в обход туманности. Идти напролом я не рискну – по всем данным, облако газопылевое. Энергетик, кажется, не согласен?

Реут замялся, слегка покраснев.

– Мы что – не можем рассчитать прыжок к ядру?

– Может, – хмуро проворчал Вихров. – С перспективой угодить на выходе в звезду.

– Но два месяца на обход, – вздохнул Умбаа. – Это же океан времени! Времени бездействия...

Грант мысленно улыбнулся, вслушиваясь в разговор, и достал из ниши пульта шлем связи с координатором.

– Внимание, – сказал он, закончив вычисления основных параметров туманности. – Поле гравитации облака велико, я не удивлюсь, если в его центре окажется звезда.

– Масса? – заинтересовался Вихров.

– Порядка трех-пяти солнечных.

– Любопытно, стоит посмотреть вблизи.

– Очень заманчиво, не спорю, – охотно согласился Грант. – Открыть звезду, да еще внутри облака!.. Но – увы! – мы только разведчики, наша цель – проложить дорогу к ядру Галактики. На зов наших маяков по нашим следам пойдут большие экспедиции. Каждому свое...

– А КИК? – не выдержал кибернетик. – Разве не найдется работы для КИКа?

– КИК, дорогой мой Умбаа, это всего лишь коллектор информации, – назидательно сказал Грант, – автомат с обширной, но конечной программой. А вот выбрать нужную информацию может только человек.

– Как динамический селектор, – пошутил Умбаа.

– Кто, кто селектор? – не рассыпал сказал Вихров, снимая свой эмкан.

– Умбаа, – сказал Грант, покосившись на кибернетика.

Звездолетчики рассмеялись. Грант покачал головой и вскинул над пультом руки.

– Внимание! Контроль функционирования. Разговоры конец.

В зале наступила тишина.

– У меня такое ощущение, – подал голос Вихров, когда прошел контроль и в командном зале вспыхнул свет, – будто стою я на вышке перед прыжком в холодную воду.

Умбаа кашлянул.

– На смену предчувствиям уже пришли ощущения? Между прочим, предчувствия сбываются, когда человек к ним подготовлен. Может быть, ты просто сомневаешься в существовании ядра Галактики?

– Не смешно, Ум, – заговорил молчавший до этого математик Росс. – Глобальные проблемы юмора в рейсе тебе еще не по плечу. Нельзя шутить, не опираясь на классиков.

– Нельзя, – после некоторого молчания согласился упрямый Умбаа. – Но если очень хочется, то можно.

– Вот это уже ближе к идеалу.

Грант улыбнулся, поправил на голове дугу эмкана. Чистая нота готовности координатора к началу работы тронула слух. Угольками затлели на пульте индикаторы гравитационных конденсаторов; синяя мгла затянула купол сфероэкрана, сгустилась. Воздух стал плотен, как желе. Глаза людей закрылись.

«Переход на режим», – успел подумать Грант и забылся.

Корабль начал прыжок.

Тьма поглотила звезды. Ни единый лучик света не пробивался из мрачной глубины водородного глобула, только гравитационное его дыхание воспринималось приборами – странное неровное дыхание.

– Мешок, – нарушил молчание Умбаа, незаметно подошедший сзади.

Грант не глядя нашупал его плечо и легонько сжал.

Молчание плыло по кораблю, напряженное рабочее молчание. Автоматический исследовательский комплекс КИК собирал информацию, жадно протянув в безголосую пучину щупальца антенн и датчиков. Вихров работал с координатором в паре с Россом. Неожиданное открытие всплеска реликтового излучения вблизи облака заставило их забыть о существовании распорядка дня, и Гранту постоянно приходилось выдворять звездолетчиков из информария.

Бортинженеры корабля – Умбаа и Реут – занялись регулировкой следящих систем, не забывая информировать командира о состоянии аппаратуры.

Грант рассчитал кривую обхода облака, перевел режим полета на автоматический и, продолжая работать, мысленно перенесся на Землю, в Приморье, вспоминая и заново переживая встречи с Тиной. Тоска по жене охватила его с необычайной силой, что было странно и необъяснимо с позиций его логики (но вполне объяснимо с позиций логики жизни). Он женился за неделю до полета, женился неожиданно для самого себя, и любовь его была как вспышка, затмившая привычное разнообразие межзвездных полетов. Грант не любил углубляться в самоанализ, зная, что любовь – проблема из проблем, не решенная однозначно ни одним из философов или поэтов, но иногда ловил себя на том, что глупо улыбается, упираясь взглядом в стену, и это сердило его, так как Росс однажды заметил эту улыбку и, покачав головой, пробормотал:

– Надо же, что любовь делает с камнем!..

На третий день полета на субсветовой скорости к Гранту подошел Вихров и, глядя в сторону, протянул пачку сообщений. Грант просмотрел их и вскинул на астрофизика изумленные глаза.

– Это предварительные выводы, – виновато произнес тот. – Разгадка – там. – Вихров топнул ногой в прозрачный пол, под которым обрывалась поглощающая свет пропасть. Грант еще раз побежал глазами сообщения, задумался, так что карточки посыпались из его рук бликующими крыльшками. Внезапно взгляды их встретились, и Грант понял.

– Ага, – произнес он негромко. – Тянет в бездну?

Вихров смущенно повел головой и бросился подбирать белые квадратики.

– Интересно… – процедил сквозь зубы Грант и тут только заметил, что рядом стоят Росс и Умбаа, похожие друг на друга, как заговорщики.

– Хорошо бы, вообще… – начал Умбаа и пошевелил пальцами, подбирай выражение. – Видишь ли, командир, ценность той или иной информации… как бы это сказать…

– …определяется тем интересом, который она вызывает, – помог Росс.

– Туманно, – качнул головой Грант, внимательно осмотрев их. – Говорите прямо, чего вы хотите?

– Повернуть корабль, – напрямик предложил математик. – На исследование облака достаточно двух недель. Учитывая важность этой области пространства для полетов наших транс-

галов, никто в Техническом совете не бросит нам обвинение в самоуправстве и срыве сроков разведки или программы исследований. Мы не только проложим дорогу к ядру напрямую – поставим побольше маяков – и все, – но и исследуем этот загадочный глобул.

– Или я ничего не стою в науке, – взъерошил волосы Вихров, – или мы стоим на пороге тайны!

– Тайны мироздания, конечно, – подхватил Грант ехидно. – Хорошо, я подумаю.

Он взял Росса под руку и повел его, сопротивляющегося, к выходу из центра.

– Во-первых, – сказал он ему в коридоре, – двух недель не хватит даже на то, чтобы прощупать как следует облако локаторами, несмотря на наш КИК. Во-вторых, торопиться в подобных случаях нельзя, и ты должен это понимать как никто другой. И, в-третьих, ты – мой помощник, наконец, или пассажир, торопящийся сойти на ближайшей станции?

– Я понял, – пробормотал Росс. – Но если уж на то пошло, обходя облако, мы строим мост вдоль реки. Не проще ли строить его поперек? То есть пронзить облако? Времени у нас не так уж много, ты прав, но мы потеряем больше на обходе, чем на прямой. К тому же, да будет тебе известно, убивает не время, убивает ожидание.

– Какое ожидание? – нахмурился Грант.

– Встречи, например, – пояснил Росс без улыбки.

На четвертые сутки трансгал повернулся носом к пугающей черной бездне и как бы повис на грани звездного мира и тьмы. Грант принял решение пройти газопылевую туманность по диаметру в ТФ-режиме², тщательно исследуя каждый отрезок пути перед очередным малым скачком.

Туманность двигалась от ядра Галактики в плоскости ее диска со скоростью около километра в секунду, поэтому у ее границы поставили дрейфующий с такой же скоростью убегания маяк. Всем кораблям Земли, имеющим ТФ-преобразователи, он должен был сообщать свои координаты, коридор входа в туманность корабля Гранта и формулы обхода облака по циклоиде – на всякий случай.

– Это последнее темное облако перед галактическим ядром, – волнуясь, сказал астрофизик. – Мы будем первыми из людей, кто увидит ядро Галактики! До сих пор мы наблюдали его только в радиоспектре...

– Прошу обратить внимание, – негромко сказал Грант, и лицо его утратило привычное добродушие. – Я знаю вас давно и мог бы не предупреждать. Но мы рискуем, а риск – благородное дело только в том случае, когда он оправдан. Поэтому главное: корабль не должен остаться без защиты даже при перебоях в энергоснабжении!.. Тихо, слушайте! – остановил он попытку Умбаа вставить слово. – Далее, где-то в центре глобула предполагается наличие звезды с весьма странными свойствами, что налагает на всех дополнительные обязанности: во-первых, постоянный контроль за состоянием узлов корабля и научного комплекса; во-вторых, никакой самостоятельности в изыскательских действиях; в-третьих, личная ответственность каждого за работу аппаратуры контроля здоровья. Далее. Пойдем на ручном управлении, поэтому меня не отвлекать. В случае моего... будем говорить, незддоровья управление берет на себя Росс. Что вы на меня так смотрите?

– Слишком пессимистично, командир, – пробормотал Умбаа. – «Никто не странствовал бы по свету, если бы не предполагал вернуться и рассказать о том, что видел». Это слова Блеза Паскаля, жившего в семнадцатом веке, а мне кажется, он знал, что говорил. Любой из нас заинтересован в том, чтобы вернуться и рассказать.

– Хорошо, что вы это понимаете. – Грант отвернулся, скрывая усмешку, и надел эмкан.

---

² ТФ-режим, тайм-фаговый режим (от англ. time – время и греч. phagos – пожирающий) – режим, при котором происходит мгновенная транспортировка материи. (Здесь и далее – примечания автора.)

Он не знал, что ему еще придется пройти сквозь пустыню тоски, горечи и немой, невысказанной боли одиночества.

Они углубились в толщу пылевого облака на три четверти светового года. Со всех сторон трансгал окружала тьма, заполненная шорохом сталкивающихся, дробящихся, рвущихся радиоволн, эхом излучений невидимой еще звезды, гравитационный зов которой уже достиг корабля.

Напряжение людей, всматривающихся во тьму, возросло до предела.

На пятый день пути координатор выдал им объемный снимок звезды в нейтринном потоке. Астрофизик от усталости валился с ног, торопясь выжать все возможное из ультраоптической аппаратуры и вычислителя. Если бы не помочь Росса и Умбаа, он, наверное, не выдержал бы такой нагрузки. Предполагалось, что корабль пересечет глобул по диаметру за восемь–девять дней, и специалисты стремились за этот срок запасти как можно больше информации, чтобы за пределами облака без спешки обработать ее и сделать определенные выводы.

На шестой день звезда показалась в видимом диапазоне электромагнитных волн. Это была странная звезда с неровной пульсацией гравитационного поля, звезда, спектр которой заставил ученых забыть обо всем, даже о собственном существовании, настолько он был необычен. Вихров мог сравнить его только со спектрами квазаров, но если светимость последних превышала светимость многих галактик, то «незнакомка» по массе и светимости приближалась к обычным звездам-гигантам, а по размерам – к карликам. Это был уже новый класс звезд, и Вихров назвал их мини-квазарами.

Грант, замедлив ход корабля, вышел из-под скорлупы защитного поля, и координатор взял под контроль их путь в обычном пространстве. Инженеры, мечтая о «письмах» с Земли, поставили еще один ТФ-маяк – всего в нескольких днях пути на субтяге от звезды, запустили в разные концы туманности около десятка зондов-автоматов. Грант составил сообщение о причинах задержки корабля и отправил его по цепи маяков в сторону Солнечной системы, за десятки тысяч световых лет.

«МОГИКАНИН»

Торможение длилось два часа. Чудовищная скорость корабля упала до планетарной – около тысячи километров в секунду. Энергетик довольно подмигнул своему отражению в зеркальной плоскости ситуационного экрана – он рассчитал режим торможения без помощи командира – и поспешил в информарий, напевая под нос популярную песенку о фотоне, захотевшем получить массу покоя. Грант проводил Реута улыбчивым взглядом, тронул Росса за руку, собираясь высказать свое мнение о мальчике, но в этот миг резкий сигнал автомата-наблюдателя заставил его броситься к пульту. Тонкая голубая линия вычертила окружность в объеме экрана над пультом регулятора управления. Остальная часть экрана сгустила цвет, притушив пылающее белым накалом горнило приблишившейся звезды.

– По курсу с радиантом в три секунды дуги неизвестное тело, – доложил спокойный барiton координатора. – Скорость – сорок девять километров в секунду, размеры – от трех до семи метров в поперечнике. Даю увеличение.

Очерченный линией круг в объеме экрана расширился, в нем появилась блестящая капелька, скачком превратилась в пятнышко света, потом в угловатый предмет размером с кирпич и наконец приняла нормальные размеры.

Кто-то ахнул. Грант сжал плечо Умбаа, опомнившись, отпустил. Слов не было. Перед ними, медленно кувыркаясь в пространстве, летел… разбитый гусеничный вездеход! Грант с молниеносной быстротой высчитал траекторию его движения.

– Ум, две минуты на расчет сетки, мы его поймаем, как бабочку! Саша, стерилизатор, биозащиту, кислородный барраж! Поставь колпак в лабораторном зале, там свободно. Виталий – за пульт, будешь управлять полем. Думаю, справимся без автоматики. По местам!

Центр мгновенно опустел, остались только двое – Грант и математик, который стоял, засунув руки в карманы и высоко приподняв плечи. Он не отрывал взгляда от вездехода.

– Откуда его принесло? – спросил Грант, не ожидая ответа. – Катастрофа корабля?

– Кажется, там в кабине кто-то есть, – пробормотал Росс. – Видишь?

– Вижу, – взглянувшись, сказал Грант.

– Люди?

– Похоже, что люди.

– Когда-то на моих глазах разбился «Токкорикан», и после этого я не могу спокойно смотреть на ЭТО… А вездеход ведь с земного корабля…

– Да, форма сугубо земная, но я не помню, чтобы в последние двадцать лет такие машины использовались в разведке. Значит, ему не менее двадцати лет, независимых, конечно.

– Через минуту семь секунд тело пройдет в тысяче трехстах километрах по левому борту, – напомнил координатор.

Грант сел в кресло, жестом указал на место рядом, посадив встревоженного Росса, ввел поправку в курс корабля и сделал необходимые приготовления.

– Внимание! Через минуту включаю генератор поля, даю отсчет. Умбаа, контролируй нарастание… Виталий, где схема? Перед тобой? Хорошо, бери управление. Внимание, пошел!

После встречи с вездеходом экипаж находился в подавленном настроении. Гранта больше всего поразила причина гибели людей – в кабине их было двое: не от недостатка кислорода или пищи, не от болезни или отравления, не от проникающих ранений, ожогов и тому подобного. Они погибли от страшного удара, буквально сплющившего вездеход.

Каким образом вездеход оказался в космосе, да еще летящим с огромной скоростью, никто из экипажа понять не мог. Правда, Умбаа предположил, что вездеход мог выпасть в пространство при катастрофе корабля, но эта версия никак не объясняла присутствие людей

в его кабине. В полете незачем двоим в скафандрах залезать в кабину наземной машины. И еще: анализ показал, что вездеход странствовал в космосе не более полугода, срок чрезвычайно малый для истории, но достаточный для предположения о возможной встрече с самим кораблем-носителем.

– Что же это за экспедиция? – спросил притихший Рейт. Серые глаза его потемнели, он все еще переживал смерть незнакомых товарищ.

– «Могиканин», – пробормотал Росс, оборачиваясь к командиру. – Я не помню такого корабля.

Грант задал вопрос координатору, и тот, «покопавшись» в своей памяти, выдал ответ:

– Корабль «Могиканин»: старт в две тысячи семьдесят первом году, направление – южный галактический полюс…

– Куда их занесло! – присвистнул Вихров.

– …экипаж – двенадцать человек, цель экспедиции – изучение свойств межгалактического пространства. – Координатор остановился, был слышен только слабый фон динамика, потом добавил: – Связь утеряна в семьдесят третьем году, дата предполагаемого возвращения – сто двадцатый год.

– А сейчас сто семьдесят четвертый, – тихо проговорил Росс. – Они в пути уже сто три года.

Грант оглядел лица товарищ, хотел сказать: по местам! И споткнулся на первом слове. В командном зале трансгала резко прозвучал гудок, замигал на пульте алый индикатор радиоприема, и в тишине раздался четкий, уверенный голос автомата:

– Сигнал SOS! Простейший код, известный с середины девятнадцатого века под названием азбуки Морзе. Всего два слова: «Прошу помощи!..»

Побледнев Рейт, расширились глаза у Вихрова. Росс выпрямился в недоумении. Грант молча надел эмкан и жестом приказал всем занять места.

Корабль три раза бросал зов в молчаливую темноту туманности во всю мощь бортовых передатчиков. Ждал ответа. Три раза приходило слабенькое эхо – отражение радиокрика от магнитной короны звезды. Ответа не было. Наконец автоматы смогли взять достаточно надежный пеленг сигнала, и корабль по перпендикуляру прыгнул в сторону от курса.

После второго прыжка локаторы нащупали в створе пеленга неизвестное тело, и по тому, как переглянулись астрофизик и командир, остальные поняли, что случилось что-то необычайное.

– Планета!.. – произнес растерянно Вихров. – Не может быть!

– Звезда в облаке – еще куда ни шло, – пояснил Грант в ответ на вопросительный взгляд Росса. – Но чтобы у звезды был еще и спутник!.. Плотность газа в облаке такова, что трение за несколько тысяч лет приведет планету к падению на светило. Если только планета не захвачена звездой из какой-нибудь системы недавно…

– Мне кажется, это «Могиканин», его SOS, – сказал Умбаа, работая с пеленгационной аппаратурой. – Азбука Морзе, обычный радиозапрос, а не ТФ-передача, вездеход того же периода звездоплавания… Совпадения слишком разительны… Внимание! Отдаю управление координатору!

Грант кивнул, переключил системы ручного управления на своем командирском пульте и присоединился к Вихрову, считающему параметры открытой планеты.

Через два часа они уже шли надочной стороной планеты на высоте пятидесяти тысяч километров, и координатор, вычислив стационарную орбиту, положил корабль в дрейф.

– Поисковая группа – Умбаа и Вихров, – объявил Грант. – Десантолету – готовность один. Связь по ТФ-каналу. Вопросы?

– Нет, – ответил Умбаа, поворачивая к нему лицо.

– Тогда в путь: время не ждет.

Масса планеты почти не отличалась от массы Земли, но диаметр ее был вдвое больше. Возникла необъяснимая загадка: по расчетам, плотность пород планеты должна была быть меньше единицы, то есть меньше плотности воды, но, по данным локации, планета не представляла собой ни жидкий шар, ни газообразный, кора ее была твердой и по составу напоминала глубинные метаморфические породы Земли и родственных ей планет.

Десантолет совершил два витка вокруг спутника звезды, и Умбаа обнаружил на очень низкой орбите наполовину разрушенную автоматическую станцию, передатчик которой слал свое жалобное «жду помощи!..». Людей на станции не оказалось, зато Вихров в ее тесной рубке нашел кассету с магнитозаписью: «Произвел посадку в экваториальном поясе, возле Города! Стартовать не могу: ходовой двигатель разрушен! В живых остались трое! Посадка на планету смертельно опасна! Командир космолета «Могиканин» Тихонов».

Грант вернулся десантолет и запустил над планетой более полусотни зондов для поисков места посадки «Могиканина».

Спустя сутки локаторы одного из зондов зафиксировали яркий радиоответ с поверхности планеты, и Грант, неразговорчивый в последнее время, решительно повел трансгал на более низкую орбиту.

ДЕСАНТ

С высоты двух тысяч километров пушистый шар планеты казался клубком желтого тумана, переливчатым и мягким. Едва видимый сквозь густое месиво атмосферы, единственный материк опоясывал ее по экватору сизой, удивительно одноцветной полосой, разобрать что-либо на которой оказалось невозможным даже в фотооптические преобразователи.

Удивительное началось, когда Грант, помня предупреждение командира «Могиканина», решил приступить к разведке атмосферы зондами. Первый, опустившись ниже поясов радиации, успел передать только сигнал тревоги и замолчал. Второй умолк на высоте трехсот километров, послав прощальный снимок поверхности. Третий успел передать: «Сильное струйное течение! Сносит к полюсу...» – и тоже затих.

Грант послал сразу четыре зонда, один за другим, но добился только того, что последний зонд из этой серии выскочил из атмосферы, как ныряльщик из воды, за тысячу километров от того места, где он в нее вошел.

– Странно, – сказал Грант, сведя брови в одну линию, – очень странно, если не сказать больше...

Росс понимающе кивнул.

– Нужен разведывательный полет. Дорога каждая секунда... Внизу ждут помощи.

«Это ты мог бы не объяснять», – подумал Грант. Мысли бежали торопливо, и тревожное предчувствие сжимало сердце. Наступил тот момент, когда он должен был рисковать жизнью товарищей во имя спасения других людей, и, хотя он знал, что двух решений здесь быть не может, мозг лихорадочно искал другой выход и не находил его. Выхода не было.

«Времени нет, в этом ты прав, дорогой мой математик. Но мне страшно не хочется посыпать вас в этот незнакомый и оттого опасный мир. А не посыпать вас я не могу, потому что сам идти вниз не имею права и оставить тех троих с «Могиканина» тоже не имею права, хотя, казалось бы, решение должно быть однозначным. И не объяснить всего этого вам, потому что как человек я без колебаний пошел бы вниз: это в крови у каждого из нас – спешить на помощь к товарищу, но как командир я обязан думать еще и о цели экспедиции, и о вашей безопасности, и о многом другом, о чем вы даже не догадываетесь: о том, что я знаю каждого и мне страшно рисковать вами, вашими жизнями. Не своею...»

– Так, – сказал Грант. Незнакомое ранее выражение нежности промелькнуло на его лице, когда он посмотрел на Реута, промелькнуло так быстро, что его заметил только внимательный Росс. – Другие мнения есть? Я так и думал. Вниз пойдут Умбаа и Вихров. Подготовкой займусь сам. Иван, продолжай зондировать атмосферу, попробуй изменить программу входа. Что-то здесь не так.

Росс молча сел в кресло.

Умбаа прицелился: десантолет вошел в выражение послушно, как собственное тело, подчиняясь приказам. Впечатление гармонии полета вселяло уверенность, и Умбаа почувствовал какой-то азартный восторг, словно перед схваткой с могучим, но уязвимым врагом.

Атмосфера планеты была плотнее земной и казалась насыщенной взвешенной пылью или парами металла. Она не только рассеивала лучи светила по-иному: цвет неба постепенно менялся от густого коричневого в сторону желтых оттенков, – но и вообще почти не позволяла вести визуальных наблюдений за поверхностью.

– Не отклоняйся, – бросил озабоченный Вихров, следя за курсографическим вычислителем. Трансгал сопровождал их лучом лазера, направленным в то место на поверхности планеты, где зонд обнаружил радиоэхо, похожее на отражение от крупного металлического пред-

мета, и отклониться от этого указателя на доли градуса означало уйти от предполагаемой точки посадки на десятки километров.

Океаны, приближаясь, розовели, и становилось понятным, что вода в них, если это вода, конечно, будет турмалинового или сиреневого цвета. Планета превратилась в глубокую дымную воронку с поднимающимися вверх краями. И в этот момент впервые дала о себе знать посторонняя сила.

Десантолет вдруг положило набок и с необыкновенной легкостью поволокло в сторону от лазерной трассы. Автопилот отреагировал на это полным «выхлопом» двигателей, и чудовищный рывок не смогли погасить даже поглотители инерции: Умбаа ударился о подлокотник кресла, Вихрова бросило на аппаратную стойку.

Движение в сторону замедлилось. Невидимый поток энергии двигателей рвал в ключья полосы синего дыма, воздух стегали длинные радужные нити электрических разрядов. Десантолет медленно восстанавливал равновесие; огни на пульте уходили в зеленую гамму.

— Поле... корабль в поле... — сообщил координатор. — Неизвестное силовое поле сносит корабль... Сбои в генераторах защиты...

Десантолет продолжал опускаться, но очень медленно. Его все еще сносило, и указующий лазерный луч он давно уже потерял. С высоты восемнадцати километров материк, достаточно хорошо видимый в оранжевом свете звезды, оказался не только неровным и неоднородным. На самом деле это был один гигантский горный хребет, теряющийся в дымном мареве за горизонтом.

— Как далеко мы отклонились от цели?

— Километров на сто — сто двадцать.

— Ну, это терпимо.

Умбаа прикусил губу.

— Кстати, командир предупредил, что если мы обнаружим жизнь... ну, ты понимаешь, разумную жизнь, конечно, то немедленно стартуем обратно. Тихонов в своем сообщении упомянул какой-то Город...

— Я помню. Да, если здесь вмешался чужой разум...

— «Ветвь-один», «Ветвь-один», — пробился в динамиках голос Гранта, и виом воспроизвел его мерцающее лицо. — Что случилось?

— Неизвестное силовое поле сносит корабль к полюсу. Параметры поля автоматом не фиксируются.

— Помните о предупреждении Тихонова. В случае непредвиденных осложнений немедленно возвращайтесь.

— «Ствол», вас понял, — ответил Умбаа. Лоб его заблестел от пота: он продолжал контролировать действия координатора и отвлекаться не решался.

На высоте пяти километров Вихров вдруг заметил под десантолетом неровный черный круг, принятый им сначала за дыру в коре планеты. Он замычал и показал Умбаа большим пальцем вниз.

При увеличении черное пятно на экране распалось на какие-то полускрытые тени, глубокие ущелья и крутые возвышенности. Динамики внешнего радиоприема внезапно зашелестили, запульсировали, шорох тысяч невидимых крыльев заполнил рубку, прозвучали отдельные вскрики, свисты, скрип, снова долгий, тягучий шелест и вздохи, и координатор доложил:

— Корабль в потоке радиоизлучения, диапазон десять — две тысячи сто мегагерц.

— Город! — прошептал Вихров. — Это же Город!..

— Еще неизвестно, — остудил его Умбаа. — Радиоволны могут излучаться и в результате естественных природных процессов.

Вихров только отмахнулся, жадно рассматривая поверхность планеты при максимальном увеличении, будто хотел тут же увидеть и ее обитателей.

Десантолет наконец опустился настолько, что удалось разглядеть загадочный черный объект. При тщательном рассмотрении он вовсе не походил на город в общепринятом понимании. Он представлял собой объемную фигуру диаметром около сорока километров, что-то вроде плоскогорья с обрывистыми склонами, но плоскогорья не сплошного, а как бы раздробленного, потрескавшегося на куски неправильной формы.

– Такыр, – только и сказал обескураженный Вихров.

Умбаа хмыкнул, но возражать не стал.

Через несколько минут Город скрылся за горизонтом, и наступил ответственный момент посадки. Посторонняя сила больше не действовала на земной корабль. То ли потому, что скорость его упала, то ли по другой причине. Но Умбаа на всякий случай увеличил потенциал защитного поля до максимума, ожидая какой-нибудь очередной каверзы со стороны загадочной планеты.

Десантолет тяжеловесно развернулся в воздухе, выдвинул посадочную гармонику и грузно спружинил на фиолетовую почву возле группы низких, изъеденных временем скал.

Еще некоторое время Умбаа напряженно прислушивался и всматривался в чужой, непривычный ландшафт, но тишина не взрывалась, до неблизкого расплывчатого горизонта синеватая порода плато была пустынна. Только дымные столбы то здесь, то там нарушали ее безмолвное спокойствие.

Умбаа расслабился, скинул капюшон скафандра и в это время заметил прямо под лиловым яйцом тусклого светила неподвижно парящую гигантскую белесую… паутину! Она была огромна: дальний край ее терялся в желтой дымке неба – и занимала площадь не менее чем в несколько квадратных километров. Висела она совершенно спокойно, ни на что видимое не опираясь, и это холодное спокойствие непонятного феномена вселяло настороженность и тревогу.

Умбаа наблюдал за ней с час, пока они с Вихровым готовили к походу куттер, но паутина, вернее сказать, сеть, связанная из «канатов» толщиной в туловище человека, с ячейками от десяти до двадцати метров, парила неподвижно, и Умбаа в конце концов махнул на нее рукой, сообщив едва слышимому и совсем невидимому Гранту о своих находках.

Вихров выпустил из корабля дистанционные механоматы – рабочие руки исследовательского комплекса, имеющегося на каждом десантолете, и некоторое время следил, как они работали неподалеку от корабля. Это были геолого-разведывательные автоматы: один из них посверкивал лазерным лучом – делал спектр-анализы, а другой вдруг задрожал и ушел в почву, только сущеватая антенна его продолжала торчать из-под слоя взрыхленной породы.

Вошел Умбаа, облаченный в сверкающий, как зеркало, балахон с остроконечным капюшоном и горбом генератора поля на спине – скафандр высшей защиты.

– Зачем такие предосторожности? – поморщился Вихров. – Сели нормально, все спокойно…

– Именно потому, что все спокойно, – пробормотал Умбаа. – Надевай.

И они потопали из рубки, одинаково широкие, уродливые, блистающие живым полированым металлом.

У золотистой опорной гармоники десантолета знайным маревом дрожал воздух, искажая очертания скал, подчеркивая плавкую над всем миром солнную, жаркую тишину. И дымы, дымы со всех сторон до горизонта…

– Постой-ка, – сказал Умбаа изменившимся голосом. – Ты ничего не слышишь?

Шепот ему почудился, близкий многоголосый шепот.

– Разговаривает… кто-то… – неуверенно сказал Вихров.

И в это время паутина над десантолетом колыхнулась, словно ветер ударил в нее сбоку, и пошла косо вверх к заходящему светилу. Через минуту она стала невидимой. Пропал и странный шепот.

Умбаа сел в кресло и захлопнул фонарь. Преобразователи формы куттера басовито запели, он поднялся в воздух, похожий издали на листок клена с каплей росы посредине. Свист распоротого воздуха стек к корме и прекратился: скорость аппарата превысила скорость звука.

Лиловое пятно светила, нависшего над размытой линией близкого горного хребта, еле проглядывало сквозь полуопрозрачный воздух, отчего все предметы казались одетыми в серую вуаль.

Умбаа перешел на радарное зрение, и видимость улучшилась, только картина сразу стала одноцветной: небо сделалось темно-зеленым, более светлые дымные струи исчерили его малахитовым узором, плато засверкало изумрудным огнем.

– И все же мне кажется, что Тихонов не зря говорил о Городе, – словно продолжая спор, сказал Вихров.

Автоматы очистили кабину от остатков ядовитой чужой атмосферы, и Умбаа, не снимая, разгерметизировал скафандр. Вихров с любопытством посмотрел на чеканный профиль товарища, ожидая, что скажет Умбаа. Шутники утверждали, что он один из последних потомков племени ацтеков, будто бы даже прямой потомок их легендарного императора Монтесумы. В домыслы о «прямом потомке» Вихров, конечно, не верил, но лицо Умбаа – смуглое, горбоносое, с тяжелым подбородком, прямыми губами, скощенными к вискам глазами, бесстрастное и впечатляющее – действительно представляло собой яркий образец лица индейского воина или вождя, типичного для давно исчезнувших в веках племен майя, инков, ацтеков. Правда, характер Умбаа, склонного к иронии, сильно отличался от характера настоящего индейца.

– Сейчас пойдем по кругу, – сосредоточенно сказал Умбаа, – тревожно мне что-то... И ладонь левая чешется...

– Левая? – переспросил Вихров и засмеялся. – Я думал, один я суеверен. Странный мы народ, астрофизики. Сами же изгнали бога со всех небес, а суеверны, как древние халдеи.

«Как я тогда сказал? – подумал Умбаа. – Дурные предчувствия сбываются, если человек к ним подготовлен? Чепуха! Дурные предчувствия имеют обыкновение сбываться, когда этого не ждешь...»

Они пролетели недалеко от черного загадочного объекта, с орбиты напоминающего такыр. Со стороны он походил больше на закопченные развалины, чем на скалы или выходы черной породы, и Вихров даже привстал, собираясь обратить внимание Умбаа на это явление, но передумал. Город скрылся из глаз.

Через час куттер завершил круг, в центре которого стоял их корабль, и пошел на второй. Свист рассекающего воздуха вернулся и уже не стихал, однотонный и утомляющий.

Светило наполовину зашло за зубчатый профиль хребта и уменьшалось на глазах... Зашло. Еще несколько минут алели далекие вершины гор, потом и они погасли. Разбежались по небу багровые полосы, потускнели. Куттер оказался как бы в мрачной впадине, полной тумана. Безмолвие... Странное, жуткое место!

– Пора возвращаться, – пробормотал Умбаа. – Так мы ничего не найдем. «Если вообще что-нибудь найдем, – подумал он. – Зонд мог уловить отражение от местных скал... Без помощи орбитальных измерений нам не обойтись».

Вихров промолчал. Маяк десантолета еле пробивался сквозь фон помех, и астрофизику было не по себе.

Где-то на горизонте, будто повиснув в пространстве, возникло вдруг голубоватое зарево. Оно увеличивалось, и вскоре голубое свечение, бледное и прозрачное, закрыло перед ними

четверть небосвода. Потом показалась неровная белая линия, над которой и вставало это загадочное сияние.

– Где-то здесь должен быть тот черный объект, – буркнул Вихров и с оживлением добавил: – Может, он и есть тот самый Город, о котором предупреждал Тихонов?

Умбаа оглянулся, и что-то поразило его, некое движение у кормы куттера. Он взгляделся, ахнул и кинул машину вниз, потом вправо, вверх и снова вниз. Над ними промелькнул размызанный от скорости фосфоресцирующий силуэт и растаял в ночи.

Умбаа вдруг стало так плохо, что на мгновение он забылся. Неприятная слабость охватила тело, сердце рванулось, как при спазме, и, прошептав:

– Держись, Виталий!.. – он направил куттер к земле.

Лучи прожекторов выхватили из тьмы бешено мелькавшие внизу каменные столбы, какие-то крупные предметы, похожие на стога сена... Аппарат влетел в узкий проход между изломами каменных стен, резко затормозил у выпуклого бока черного валуна, несущий диск противно проскрежетал днищем по обломкам, и куттер остановился. Прожектор потух. Наступила цикадная тишина.

Свечение неведомого источника за скалами позволило им довольно свободно ориентироваться в обстановке.

После крушения они с час приходили в себя.

– Вот твое «все спокойно», – невнятно проговорил Умбаа, прожевывая таблетки адапто-гена, кислые, терпкие, приятно холодящие нёбо.

Вихров прожевал свои, посмотрел на беспорядок в кабине и со вздохом откинулся в кресле:

– Что это было?

Умбаа мрачно усмехнулся.

– Этого, дорогой мой астрофизик, как сказал бы наш командир, не знаю даже я сам.

Лететь в темноте на поиски неведомо где опустившегося «Могиканина» не имело смысла. Умбаа вспомнил подробности падения машины и вновь пережил болезненное чувство собственного бессилия. Встреча с призраком могла окончиться трагически, предупреждения Тихонова, командира трижды злосчастного «Могиканина», сбывались воочию.

До утра было еще далеко, и Умбаа решил провести маленькую разведку в направлении загадочного свечения.

Медленно пробираясь между темными телами скал, напоминающих туши мамонтов, Вихров томился предчувствием нависшей над ними беды, но, боясь показаться смешным в глазах кибернетика, только чаще оглядывался и не снимал руки с рукоятки деформатора.

– Попомни мои слова, – сказал он, всматриваясь в шевелящиеся тени, – с этой планетой связана какая-то тайна. Одно то, что она существует вопреки всем законам космогонии в плотном пылевом облаке – глобуле, – говорит само за себя. А неизвестное силовое поле? Наука нечасто сталкивается с факторами, принципиально отличающимися от всего ей известного.

– Правильно говоришь, – с сарказмом заметил Умбаа, понимая, что послужило толчком к разговорчивости товарища.

– Правильно, – согласился Вихров, поразмыслил и добавил: – Разве ты хочешь возразить?

Умбаа проворчал что-то неразборчивое, но в это время они вышли из каменного лабиринта на край обширной площади, и вести отвлеченные разговоры стало недосуг. В центре площади неподвижно парило серебристо-белое облако не то дыма, не то пара, пухлая шапка которого изредка вскипала белыми фонтанами. А за облаком вздымались полупрозрачные, истекающие голубоватым эфемерным свечением... глыбы льда!

Скопище айсбергов стометровой высоты, приткнувшихся к скалам! Айсберги уходили за горизонт, создавая иллюзию бесконечного ледяного поля, и Умбаа, так и не подобравший к картине иных земных аналогий, прошептал:

— Ледник?!

Вихров, с неожиданным хладнокровием рассматривавший «ледяную» бугристую стену, поднял свой блок фиксации событий — инфор, давно заменивший людям фотоаппарат, кинокамеру и магнитофон одновременно, и запечатлел светящийся «лед» во всем его великолепии.

В глубине «ледника» вдруг что-то случилось. Гулкие удары потрясли его, и Умбаа заметил, как вспутилась одна из сияющих стен, плюнуло из нее искристой струей, и тут же облако в центре площади с неистовым треском опало, съежилось и растаяло, а вместо него в небо взвилась огромная белая паутина, низким гудением своим заглушившая все остальные звуки.

Грохот в теле «ледника» утих, стена успокоилась, но людям теперь показалось, что кто-то сопровождает их внимательным взглядом, кто-то большой и тяжелый, как горы.

— Пошли назад, — произнес сквозь зубы Умбаа.

И они пошли, почти побежали. Но паутина догнала их, плыла так с минуту — снова послышались тягучий шелест, неясные голоса — и ушла вперед. Шелест и голоса исчезли.

— Излучение! — вырвалось у Вихрова. — Всюду излучение, и наша высшая защита не помогает. Понимаешь? Я не специалист в физике излучений, но здесь и не нужно много знать...

Умбаа молча согласился. Человек давно использовал в своей практике излучения, действующие на мозг и центральную нервную систему, излучения возбуждающие и успокаивающие, созидающие и уничтожающие. Но могли существовать и такие, которые человек еще не постиг, которые не регистрировались земными приборами и тем не менее влияли на нервную систему, так же легко проникая через все барьеры и защитные поля, как луч света сквозь вакuum, и не исключено было, что космолетчики, сами того не ведая, открыли нечто подобное. Иного объяснения «давлению на психику извне» Вихров дать не мог.

Куттер был уже рядом, он поблескивал в «окне» между двумя неровными каменными колоннами. Умбаа удержал заспешившего было Вихрова и указал вверх. Над скалами скользила паутина, удаляясь неспешно и беззвучно. Вскоре она затерялась в стороне «ледника».

Умбаа отпустил астрофизика и вслед за ним подбежал к куттеру. Его поразил цвет аппарата — бурый с оранжевыми потеками по кромке несущего диска. Он протянул руку к колпаку кабины, некогда хрустально-прозрачному, а сейчас матовому, изъеденному многочисленными ямками странной коррозии, и отдернул ее в недоумении.

— Не понимаю, — сказал он.

Астрофизик пнул ногой заданный край несущего диска и вздрогнул: металл съежился и распался на лохмотья. Накренившись, вся конструкция сползла со скалы, рассыпалась в рыжий и черный пепел, хлопья которого разлетелись в стороны. Умбаа нагнулся, растер в ладони щепотку черного праха, быстро выпрямился, хотел что-то сказать, но лишь судорожно сглотнул. Абсурдная мысль пришла ему в голову. Аппарат выглядел так, будто пролежал на этом месте, по крайней мере, сотню тысяч лет! Вернее, он выглядел бы примерно так же, если бы пролежал... Но этого не могло быть!

— Ерунда какая-то... — тоскливо произнес Вихров.

Умбаа завороженно смотрел на то, что час назад было летательным аппаратом, и вдруг представил себе те восемьдесят километров, которые им предстояло пройти до десантолета, не зная ни точного направления, ни того, что ждет их в пути.

— «Ибо у нас, живущих ныне, есть глаза, чтобы удивляться, но нет языка, чтобы восхвалять»³, — глухо сказал он, поднимая руку и натыкаясь на блестящую ткань скафандра.

---

³ В. Шекспир.

ГОРОД

Корабль продолжал мчаться над планетой, наматывая на нее очередной двадцать второй виток.

Росс с помощью самонастраивающейся аппаратуры исследовательского комплекса установил, что вся планета как бы покоится в коконе неизвестного поля, с легкой руки Реута названного тангирующим, или Т-полем. У полюсов оно опускалось воронками к поверхности планеты, и можно было предположить, что именно там находятся чудовищной мощности генераторы, создающие поле. Но Грант не рискнул заниматься их поисками. От Умбаа уже пять часов не поступало известий, и это не давало ему покоя. Если планета окажется населенной разумными существами, то сложность положения увеличивается во сто крат. Встреча с иным разумом никогда не представлялась землянам только лишь проблемой контакта, а его последствия для обеих сторон могли рассчитывать лишь специалисты Института внеземных культур на Земле.

Грант в который раз ощутил на себе все бремя ответственности за судьбу незнакомых друзей с «Могиканина», за успешное выполнение основной задачи полета, за судьбу экспедиции, тесно переплетенную с его судьбой, за любое принятное им решение. Ибо в случае ошибки сможет ли он ценой своей жизни рассчитаться за жизнь и горе других?..

Только один раз Росс отозвал Гранта в сторону и спросил, чем грозит ему задержка выполнения основной задачи в случае осложнений?

– Ничем, – ответил Грант, с угрюмым интересом рассматривая жесткое лицо математика. – Единственное, чего я боюсь, так это вспомнить, что, кроме всего прочего, я тоже человек.

Росс смущенно склонил голову, понимая, что все его слова будут в этот момент лишними.

В зал примчался Реут и показал командиру объемный список того места на поверхности планеты, где совершил посадку десантолет Умбаа.

– Вот это черное образование излучает широкополосный радиосигнал, – сообщил он возбужденно. – Информационному анализу не поддается, но...

– Все-таки Город, – задумчиво проговорил Грант. – Город?

– В сообщении Тихонова тоже упоминается Город. – Росс подошел к главному виому и долго рассматривал поверхность планеты через вариационные усилители.

– Если это ИХ Город, ты понимаешь?..

– Да, – сказал Грант. – А Умбаа молчит.

Спустя несколько часов Реут обнаружил еще несколько черных кругов, которые он предложил называть Городами. Все они походили друг на друга, как листья дерева, и отличались только размерами.

– Всякий поиск делится на три периода, – говорил негромко Росс, следя за работой энергетика. – Первый – предварительные размышления, для нас он уже прошел; второй – наблюдения и фактография, к этому мы приступили; и третий – период выводов, самый безрадостный, по-моему: чудеса всегда тускнеют от объяснений.

– До этого еще далеко, – заметил Грант, полузакрыв глаза.

– Что будем делать, командир? – Росс выжидательно посмотрел на Гранта. – Мужское чутье подсказывает мне, что нужно идти вниз...

«А женское чутье бывает? – подумал Грант, не отвечая. – Тина... Что тебе говорит сейчас твое чутье? Плохо мне, Тина... Почему я подумал о тебе? Помнишь, у Рубена Дарио:

Я долго перед мраморной Каменой
Стоял один, уныньем обуянный.
Вдруг крыльев шорох – и, по связи странной,
Мне о тебе подумалось мгновенно.

Помоги, Тина, коль уж пришла. Если Умбаа не ответит через два часа, я снова пошлю в этот ад своих друзей...»

– Решай, Яр, – продолжал Росс, не понимая, почему командир не отвечает. – Если Умбаа молчит до сих пор, то случилось что-то серьезное. Надо идти к нему.

– Рано, – сухо отрезал Грант, открывая глаза. – Второй десантолет пошлю, когда сочту нужным.

Росс опускал десантолет очень медленно, буквально по метру в секунду, может быть, именно поэтому отталкивающее поле планеты почти не снесло корабль в сторону от выбранной траектории.

На высоте около сорока километров аппараты зафиксировали какое-то загадочное тело, промелькнувшее так быстро, что на снимке запечатлелся только его стремительный силуэт. Координатор отметил нарастание и убывание гравиполя, дикую пляску защитных полей и нарушения в работе обеспечивающей полет автоматики.

Реут озабоченно просмотрел выданные машиной схемы неполадок и углубился в перенастройку автоматов, не обращая особого внимания на обстановку за бортом десантолета. Росс окинул его теплым взглядом. Юноша нравился ему любознательностью, отзывчивостью и полной самоотдачей в работе. В свои двадцать пять лет Реут смог стать одним из лучших специалистов-энергетиков нового класса кораблей – трансгалактолетов – и слыл личностью незаурядной.

Сели они благополучно всего в километре от десантолета Умбаа, стоявшего прочно и без видимых повреждений. Правда, Россу показалось, что корабль будто бы накрыт белой вуалью, но разглядеть это достаточно хорошо он не успел.

– МПС или высшая защита? – деловито произнес Реут, собираясь в бокс за скафандрами.

Росс покосился на виом связи, в котором сквозь полосы помех виднелись Грант и часть командного зала трансгалактолета.

– «Ствол», – сказал он в микрофон. – Все нормально, иду в поиск.

– «Ветвь-два», вас понял, – прозвучал невыразительный голос Гранта.

– Ты останешься, Саша. – Росс положил руку ему на плечо. – Если не удастся мне, тогда пойдешь ты.

И Реут проглотил вертевшиеся на языке возражения.

В течение всего времени, пока Росс облачался в блестящий балахон скафандра высшей защиты, энергетик украдкой посматривал на его исеченное морщинами суровое лицо, шрам на щеке – лицо человека, много пережившего за свои неполные сорок лет. Математика в научном центре разведфлота называли Стариком. Не за морщины, старившие его. За сдержанность, которая обычно олицетворяет уверенность в себе и в своих поступках.

– Ты, наверное, сильный человек? – неожиданно для себя самого спросил Реут.

Росс, продолжая застегивать скафандр, медленно обернулся.

– С чего ты взял?

– Так... – пробормотал энергетик.

– Хм... Вообще-то, будучи на третьем курсе института, я выбился как-то в чемпионы курса по мгновенной борьбе. Но это, конечно, мелочи. Я был знаком с одним человеком, Греховым, которого прозвали малышом-оборотнем. Ростом он с мальчишку, но во всем инсти-

туте, а сейчас я уверен, что и вообще в научном центре, только он один мог вырваться из любого захвата, бороться на равных одновременно с пятью мастерами и, что касается физической силы, согнуть гриф штанги.

– Здорово! – с загоревшимися от восторга глазами сказал Рейт.

– Он закончил институт на четыре года позже меня, – продолжал Росс серьезным тоном. – Сейчас работает в Управлении аварийно-спасательной службы… Ну ладно, я пошел, следи за связью.

– Возьми «черепаху», – посоветовал с экрана Грант. – У меня больше нет десантолетов…

Он не договорил, но Росс и так понял, что хотел сказать командир. «Черепаха» была тяжелой шестиместной машиной с противоядерной защитой, скорость ее хоть и невелика, но запас надежности огромен.

– Возьму, – пообещал Росс и, махнув рукой в сверкающей перчатке, вышел из поста управления.

Он не торопясь осмотрел десантолет Умбаа, но нашел только запись устного сообщения Вихрова, торопливую запись о результате первого облета местности и об открытии черного образования, названного исследователями Городом.

– Саша, как меня слышишь? – спросил Росс, соединившись с постом управления своего десантолета.

Энергетик облегченно вздохнул:

– Слышу не совсем хорошо, большой фон.

– Передай командиру… впрочем, я сам.

Росс соединился с Грантом и коротко пояснил ему ситуацию.

– На чем они ушли? – спросил тот, мрачнея.

– В эллинге нет куттера.

– Куттер… Ах, черт! Автоматы записали хотя бы направление, откуда передавал сообщение Виталий?

– Нет. Маяка куттера тоже не слышно… Яр, здесь летают странные сети…

– Сети?!

– Или паутины, издали они похожи на настоящие паучьи паутины. Но размеры их во сто крат больше.

– Жизнь? Я имею в виду – разум?

– Не знаю.

Грант помолчал, постукивая пальцами по канту пульта.

– «Могиканин» тоже не отзывается?

– На всех диапазонах только вой помех.

– Ну, иди. – Грант хотел еще что-то сказать, но, наверное, передумал и выключил связь.

– Не волнуйся, Александр, – улыбнулся Росс энергетику по возможности уверенней. – Следи за маяком. Я их найду.

Через несколько минут он сел в «черепаху», похожую больше на еловую шишку с лапами, и поднял в воздух тяжелую машину.

Хотя светило стояло почти в зените, проку от него было не больше, чем от земного солнца в дождливый осенний день.

Росс свернулся чуть в сторону, где дымные струи поднимались чаще, и оказался над странным многоцветным сверкающим полем. В кабине «черепахи» запел звуковой датчик радиоактивной опасности и одновременно на пульте вспыхнул рубиновый сигнал: гамма-излучение.

– Двести семьдесят рентген! – присвистнул Росс, включая анализатор.

– Торий, америций, берклий… – начал перечислять автомат.

Под «черепахой» проплывал естественный ядерный обогатитель, превосходящий по масштабам все известное людям.

Связь с десантолетом прервалась и возобновилась только после того, как машина миновала залежи трансурановых руд. Росс знал, с каким трудом и как медленно промышленность Солнечной системы создает эти сверхдрагоценные элементы, нужные почти в любой области техники и медицины. Если не произойдет ничего неожиданного, то люди получат великолепный подарок – совершенно открытые залежи этих элементов. Если не произойдет...

Тут машина влетела в белый непроницаемый туман, Росс ощутил покалывание в висках, болезненное подергивание лицевых мускулов, боль в суставах и, испугавшись, рванул «черепаху» вверх.

С полукилометровой высоты он оглядел плато под собой, но тумана никакого там не оказалось. Вместо него над синими изломами теней медленно упльвала в сторону огромная серебристая паутина. Росс ощупал ее локатором, но она никак не прореагировала на это, разве что ему стало казаться, будто из-за паутины на него смотрит затаившийся хищник.

Наконец Росс достиг того места, откуда, по его расчетам, Вихров в последний раз вел передачу на корабль, и остановил аппарат в воздухе. На юге вырастал из-за горизонта массив горного хребта, дрожащий из-за плывущих дымных струй. В противоположной стороне вставала какая-то черная потрескавшаяся стена. До нее было около пятнадцати километров, и подробностей разглядеть Росс не смог, но смотрел на нее долго, чем-то притягивала она взор. Необычностью, безмолвием?

Вдруг низкий гул заставил Росса мгновенно обернуться, и он увидел поразительное явление: по ровной поверхности плато скользила черная скала, окутанная дымом и пылью. Она промчалась под «черепахой», оставив в породе плато глубокую дымящуюся борозду, и вслед за ней скользнули две паутины, сияющие так, что на них было больно смотреть.

Почудилось Россу, окликнул его кто-то, он повернулся к пульту, но связи с кораблем снова не было, мигал тревожно огонек автомата защиты, светились алым индикаторы радиации. В рубке стояла тишина.

Росс поднялся выше, еще раз с высоты километра осмотрел плато до горизонта, включил автоматический режим локации и медленно поплыл в сторону хребта, прочь от черной стены. Он уже догадался, что это и был тот самый загадочный Город, открытый ими еще с орбиты трансгала.

ГРАВИСТРЕЛОК

Бледное лицо, запавшие глаза, серебро седины в волосах. Грант с отвращением оттолкнул зеркальный прямоугольник и посидел немного, наклонившись над пультом. Потом резко встал и пошел в душевую корабля. К началу сеанса связи он уже выглядел достаточно уверенным и спокойным, чтобы не вызвать нежелательной реакции у Реута.

В три часа дня корабельного времени вспыхнул виом связи, и энергетик спросил:

– «Ствол», как видите?

– Вижу плохо, слышу хорошо, – скруто улыбнулся Грант. – Что нового?

– Иван обнаружил залежи радиоактивных руд. Больше пока ничего, пошел на второй круг.

– Так. Ну, а у тебя что?

– Прилетала паутина, покрутилась и ушла. Да, когда она подошла близко, связь с «чере-пахой» нарушилась.

– Понятно… Никто не запрашивал?

– Никто.

– Ты вот что, Саша, – сказал Грант, – ты не выключайся, пусть связь будет включена постоянно.

Реут молча кивнул.

Целый час Грант терпеливо работал с координатором, обрабатывая сведения, собранные кибернетическим комплексом, время от времени подбадривая энергетика отвлекающими разговорами. В глубине души он сознавал, что скорее подбадривает себя, чем менее опытного Реута, но ожидание превратилось бы для него вообще в невыносимую муку, если бы не эти разговоры. Грант не помнил, кто сказал: «Единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения», но, наверное, это был великий человек.

– Странная, должно быть, эта цивилизация, – отвечая на какие-то свои мысли, сказал Реут. – Если она, конечно, существует на планете. Создала отталкивающее поле, нами не интересуется… Любопытно, что имел в виду Тихонов, говоря о смертельной опасности? Может, разница в технических средствах оказывается и в оценке опасности?

– Положим, это спорно, – не согласился Грант. – Психологически мы ничем не отличаемся от людей прошлого века. Но с тем, что на планете творятся странные вещи, я согласен.

– Вот, – радостно воскликнул вдруг энергетик. – Иван…

В тот же миг изображение поста управления десантолета исказилось – Реут что-то возбужденно говорил, но слышно его не было, – и связь оборвалась.

Грант невольно посмотрел на главный виом корабля и увидел на поверхности планеты тонкую оранжевую линию. Линия наливалась белым светом, с тысячекилометровой высоты орбиты она казалась безобидной и не страшной, но возникла она как раз там, где опустились на плато два земных корабля, и Грант прикусил губу, представив себе реальные масштабы явления.

Росс отдал управление автомату и устало откинулся в кресле. Близился вечер, но ни аппарата Умбаа, ни звездолета «Могиканин» он не нашел. Эфир тоже был пуст, если не считать постоянного глухого шума в динамиках – фона приема. Иногда только пробивались всплески маяка десантолета да редкие сообщения Реута, утомленного своим бездеятельным дежурством и ожиданием.

И вот на исходе дня, когда Росс решил повернуть к десантолету, локатор вдруг засек металлы – золотом просияла на экране точка. Росс от неожиданности среагировал запоздало, и точка пропала, но он обнаружил ее снова.

«Черепаха» увеличила скорость, а спустя полчаса Росс понял, что он нашел корабль. Чужой корабль. Вероятно, это и был «Могиканин».

Стоял он неподалеку от неровной черной стены Города, висели над ним паутины – одна над другой, еще несколько паутин плыли от Города, и Росс не стал рисковать – сел подальше от корабля. Сначала он использовал все диапазоны радио– и светосвязи, рассматривая тупой нос и связку цилиндров (двигатели?) чужого звездолета, окруженного невысокими свечеобразными скалами. Потом навел деформатор на группу скал возле кормы корабля и нажал на спуск.

Грохот расколол тишину, и скалы рассыпались синим дождем осколков. Из расщелин оставшихся скал выползли сизые клубы пыли и скрыли от взора очертания корабля. Зелено-ватая мгла затянула все вокруг, стало почти темно.

Росс окружил «черепаху» куполом защитного поля, заметив, как паутины торопливо улетают прочь, высадил из грузового отделения робота технической службы и вылез сам. Он решил подождать несколько минут, а потом идти к кораблю, надеясь на свои защитные средства.

Пыль голубым налетом осела на скалы, почву, корпус робота, и, когда терпение Росса иссякло, из-за кривых каменных столбов вдруг донесся топот бегущего человека. В просветах замелькало что-то белое, и на ровное место выскоцил маленький человек в просторном белом балахоне, огромной каске под прозрачным пузырем шлема и с тяжелым излучателем в руке, скорее всего лазерным.

Увидев две зеркальные уродливые фигуры, он круто затормозил и выбросил вперед руку с излучателем. Не будь рядом робота-охранителя, Росс, наверное, и сам среагировал бы соответственно, но внутри металлической фигуры робота что-то зашелестело, и пространство между обоими людьми затрепетало и искривилось.

– Отставить, – спокойно сказал Росс, и робот послушно снял поле.

Глаза у незнакомца были дикими, быстрыми, и весь он казался нервным и порядком растерянным. Он явно не знал, кто перед ним, и переводил взгляд с одной фигуры на другую.

– «Могиканин»? – спросил Росс, включая внешний звуковой передатчик.

Человек вздрогнул, закивал головой и что-то горячо заговорил, показывая рукой то на снующие паутины, то на свой корабль.

– Я вас не слышу, – сказал Росс. – Давайте в кабину, там безопаснее.

Незнакомец заговорил еще быстрее, затем махнул рукой и полез в люк вслед за роботом.

Здесь, в кабине, когда они сняли облачение, Росс понял, что недооценил возраст незнакомца. Было ему где-то под семьдесят. Остроносое, худое лицо его состояло как бы из двух половин: верхней – белой, ранее скрытой под каской, и нижней – загорелой до цвета меди. Был он узкоплеч, хрупок и со стороны, в своем белом изоляционном комбинезоне, казался подростком. Если бы не лицо.

– Я – Росс, математик и помощник командира трансгалактического корабля «Спир», – сказал Росс, приглаживая волосы. – Вы Тихонов?

– Нет, я – Молчанов, археонавт⁴ экспедиции, заместитель командира звездолета «Могиканин». Тихонов остался в корабле. Мы уже не надеялись...

– Мы нашли ваше послание. А также встретили в космосе разбитый вездеход с двумя... людьми.

Молчанов несколько секунд беззвучно шевелил губами, не сводя с Росса горящего взгляда. Потом очнулся, потерев лоб дрожащей рукой, и глухо сказал:

---

⁴ Археонавтика – космическая археология, наука, изучающая историческое прошлое исчезнувших внеземных цивилизаций.

— Это были Коротков и Ульссен, физик и врач экспедиции. Они пропали без вести в первом же поиске... Но вы, вы зачем высадились в этом ад?! Тихонов же предупреждал!

— Тихонов предупреждал, — тихо сказал Росс, — но мы пришли за вами. Двое наших товарищей тоже пропали без вести, не найдя вас. Нашел я.

Молчанов сник.

— Уходите. Никого вы уже не найдете. Они вернулись бы сами, имей эту возможность...

Росс резко выпрямился, и гневное слово застыло у него на губах.

— Я найду их, — сухо сказал он. — У меня мало времени. Как сообщить вашему командиру? Да, кто с вами третий?

— Его нет, — пробормотал Молчанов, не поднимая головы. — Он пошел в Город и... не вернулся.

— Город?

— Это, собственно, никакой не Город. Черные скалы, похожие на развалины. Ночью они светятся и становятся похожими на растрескавшийся ледник.

— Вот совпадение. Мы тоже назвали эти образования Городами... Так каким же образом мне сообщить Тихонову? Радио у вас не работает?

— Нет. Прожектор на вашей машине имеется? Помигайте. Азбуку Морзе знаете?

— Нет.

— Тогда давайте я.

Росс посмотрел, как Молчанов заставляет мигать прожектор, надел скафандр и отправился встречать командира «Могиканина».

Как и в прошлый раз, он вышел с роботом и уже прошел полпути до корабля, как вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд.

— Назад! — закричал вдруг из кабины «черепахи» Молчанов. — Назад! Гравистрелок! Назад!!!

Появившийся из-за скал Тихонов предупреждения Молчанова слышать не мог, но он был опытнее Росса и увидел опасность раньше. Правда, ему это не помогло.

Росс успел только заметить над собой решетчатый крест, и в тот же миг скала рядом с ним разлетелась в пыль, и, если бы не защитное поле робота, его не спас бы даже скафандр высшей защиты. Все же его сбило с ног. Не дожидаясь, пока уляжется пыль, он вскочил, побежал к Тихонову, который лежал ничком в десяти шагах, подхватил его и, не оглядываясь, поспешил к машине.

Еще один громовой удар настиг его у люка. На этот раз удар был намного сильнее, но робот спас людей и теперь. Росс, ругаясь шепотом, втащил тяжелое тело командира «Могиканина» в тамбур и захлопнул люк.

Экраны внешнего обзора показали им, как странный крест добивал робота. Последний удар швырнул разбитый остов робота высоко в воздух, и там, на высоте трех сотен метров, он взорвался, истекая рыжим пламенем.

Вдвоем с Молчановым они раздели Тихонова и ужаснулись: тело его напоминало пропитанную кровью губку. И Росс подумал, что Тихонову вряд ли поможет теперь даже совершеннейшая медицинская аппаратура трансгала. А может быть, и Земли...

Крест принялся за «черепаху». Третий удар, потрясший машину, заставил Росса сесть за пульт, и тут словно мститель проснулся в нем. Росс неистово прошелся по кнопкам автоматической наводки деформатора, и сетка прицела накрыла и чудовищный крест, и сопровождающие его паутины. Ого, вон вас сколько! Подождал, пока нальется алым светом индикатор накопителя, и нажал на спуск.

«Черепаха» подпрыгнула, уши заложило от пронзительного вопля разряда, а там, где только что крутились паутины, чиркнуло огненной полосой, и паутин не стало. Исчез и крест.

Росс оглянулся, и Молчанов вздрогнул, встретив его жесткий и холодный взгляд. Впрочем, Росс тут же смягчился, кивнул Молчанову на кресло и поднял аппарат вверх.

Однако не успели они пролететь и двух километров, как вдруг на кормовом экране «черепахи» взошло второе солнце, похожее на исполинскую цветную капусту. Оно расцвело на поверхности планеты неожиданным ядовитым цветком, постояло так с минуту и стало гаснуть. «Черепаху» дрогнула волна яростного гула и разбилась о ее неприступную броню.

– Звездолет! – побледнев, прошептал Молчанов. – «Могиканин»!..

Росс увеличил скорость.

Реут разговаривал с командиром, наблюдая, как возвращаются механоматы, выпущенные Умбаа почти сутки назад.

Глухой подземный гул заставил его вскочить и прислушаться. Задрожали стены, десантолет закачался на амортизаторах, а всего в полукилометре от него лопнула земля, и вал слепящего пламени, вырвавшийся из этой трещины, покатился на корабль.

Реут прыгнул к пульту и вдавил разом клавиши запуска генераторов защиты и аварийного старта.

Десантолет беззвучно взмыл над искривленными скалами, искривленной огненной пропастью, искривленным горизонтом. Счетчики отзванили радиоактивную тревогу, заревел басом динамик универсального приемника, а из пышущей жаром бездны, поглотившей то место, где только что стоял корабль, вымахнули вдруг один за другим ослепительные шары и с булькающим гулом ушли в небо, сопровождаемые уже знакомыми паутинами. Десантолет закачало с боку на бок и потащило вслед за ними.

Реут опомнился и отвел корабль подальше от неожиданного катаклизма, посадив его за частокол оплыvших словно свечи скал. Здесь и нашел его Росс, не потерявший присутствия духа и во время разгула неведомых стихий.

Растерянность и надежда отразились на лице Реута, когда робот внес в рубку безжизненное тело Тихонова.

– Уходим, – коротко сказал Росс, снимая скафандр и помогая Молчанову. – Саша, это Молчанов, археонавт «Могиканина», позаботься…

Реут встрепенулся и бросился к оцепеневшему маленькому человечку, покорно разрешившему себя раздеть, напоить и усадить в кресло. Росс быстро уложил тело Тихонова в запасное кресло, попробовал связаться с трансгалом, но безуспешно – ионизация воздуха была слишком велика – и решительно включил автоматику старта.

Провалилась вниз дымная стена багрового пламени, только что уничтожившая десантолет Умбаа и Вихрова. Мелькнули и исчезли идущие куда-то строем паутины. Затерялась в голубовато-серой дымке поверхность негостеприимного плато, куда звездолетчики ушли на поиски потерпевшего крушение «Могиканина».

Грант бездействовал всего одну минуту. Гнев и ненависть душили его, гнев и ненависть к планете, отнимавшей у него мужество и веру в правильность своих действий, отнимавшей у него главное, что он имел: тепло человеческих сердец. С минуту Грант смотрел на виом, вспоминая лицо Реута, потом сел за пульт.

За полчаса он рассчитал скорость входа аппаратов в атмосферу планеты, при которой отклоняющее воздействие неизвестного поля было минимальным. После этого запустил серию телезондов в сторону ушедших десантолетов, поручив автоматам постоянно следить за их работой. Но изображение, переданное самым нижним зондом, было туманное и словно подернутое рябью. Достаточно ясно Грант смог увидеть только черную «шайбу» Города да светящуюся рубиновую полосу, то и дело перекрываемую полосами дыма.

Тогда он подключился к координатору и с мрачным ожесточением занялся регулировкой системы дальновидения. Ни один из десантолетов не отвечал, и Грант решил, что, если связь с ними не восстановится в ближайшие два часа, он посадит трансгал на поверхность планеты. Ожидание на орбите требовало от него столько мужества, что решительных действий он уже не боялся, хотя в глубине души, конечно, понимал: сам погибнуть в тех условиях он теперь не имеет права.

Он добился того, что объем изображения, передаваемого зондами, прояснился, но в это время координатор произнес торопливую фразу: «Ствол», ответчик «Ветвь-два» возвращается, – а вслед за тем трансгал вздрогнул, замигали виомы-автоматы, втянули приблизившийся десантолет в недра корабля.

Первым в командный зал вошел сосредоточенный Росс. Вошел и остановился, со странным выражением глядя на командира.

– Что? – не выдержал Грант.

Росс, не отвечая, подошел к пульту, выдернул зеркальный прямоугольник и повернул его к Гранту. Тот с недоумением всмотрелся в свое отражение, усмехнулся и оттолкнул зеркало. Волосы его стали наполовину седыми.

– Что? – сухо повторил он.

– Саша готовит десантолет к новому походу. «Могиканина» больше нет, мы нашли только двоих: Молчанова – археонавта корабля и Тихонова – командира. Молчанов спит, переутомлен до крайности. Тихонов в медцентре, спасти его могут только на Земле. На нас напала паутина, удар силового поля и… Умбаа и Виталия отыскать не удалось: их десантолет свалился в пропасть, пустой. Я оставил там бомбовый передатчик, на случай их возвращения к месту посадки. Я иду туда снова, Яр. Удержи только Рейта, я не хочу рисковать мальчиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.